

ПОЛИТОЛОГИЯ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 5 (71). 2019. № 1. С. 74–80.

УДК 008 (075.8)

МИФОПОЭТИКА ИДЕОЛОГИИ

Габриелян О. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: gabroleg@mail.ru

Идеология играет важную роль в современной общественной жизни. Политики, исходя из своего видения социальных перспектив, посредством социально-гуманитарных технологий, внедряют ее в общественное сознание. Эффективность этого процесса обусловлена тем, насколько адекватно идеология отражает мифопоэтику культуры конкретного общества, его мифологию. Идеология есть технологизация мифологии. Идеология выступает реальным механизмом претворения мифа в социальную жизнь. Идеология, как и мифология, объективно существует как регулятор человеческого поведения и регламентирует повседневную жизнь как образ желательного настоящего и будущего.

Ключевые слова: миф, мифология, мифологема, мифопоэтика, идеология, социально-гуманитарные технологии.

Современные успехи социально-гуманитарных технологий, посредством которых сменяются государственные режимы, трансформируется геополитический рисунок мира, говорят о том, что социальная философия должна обратить на эти вопросы самое пристальное внимание. При этом возникает целый ряд интересных вопросов. Нам представляется, что ключевым среди них является вопрос идеологии.

Утверждение о смерти идеологии оказалось преждевременным [1]. Более того, складывается убеждение, что это утверждение было взято на вооружение контрпропагандой для разрушения не только коммунистической идеологии, но и создания в нашем обществе устойчивой неприязни к самому понятию. Однако идеология играет важную роль в общественной жизни, поскольку определяет набор ценностей и создает их целостную композицию. Безусловно, никакая идеология не исчерпывает весь спектр ценностей общества, а использует только те, которые необходимы для практики политического процесса.

Мы стали свидетелями, как идеология активно используется в качестве мягкой силы, применение которой на поверку оказывается весьма жесткой, прежде всего, по результатам. Наиболее наглядный пример – «шоковая терапия», примененная на постсоветском пространстве после развала СССР. Идеологической базой ее выступал неолиберализм.

Постараемся раскрыть логику взаимодействия мифологии и идеологии. Механизм их взаимодействия становится мифопоэтика в расширенном ее понимании. Анализируя ее, применяя мифопоэтику к современной истории как тексту мы открываем возможности не только новых исследовательских горизонтов, но и возможность построения новых мифологем или модернизации старых для поиска ответа на актуальные вызовы истории эпохи постмодерна. Примером практического применения мифопоэтической интерпретации может служить осмысление мифопоэтики «Русского мира» в контексте современных политических реалий (методология такого подхода изложена в авторской статье [2]).

Изначально имеет смысл разобраться в онтологическом основании идеологии. Таким основанием выступает – мифология. Общепринятое представление о мифе заключается в том, что миф — это сакрально-повседневное осмысление мира архаическим человеком, когда иных форм сознательного описания и изучения окружающего человека мира еще не было создано. Не было философии и науки, теоретических и рациональных форм мироосмысления и миропостроения в мировоззрении. На наш взгляд, такой подход, когда мифологию относят только к прошлому, не учитывает тот факт, что сознание человека навсегда архаично в том же смысле, в каком человек навсегда остается биологическим существом.

Мифологичность человеческого сознания является его природной особенностью, онтологическим основанием и методологическим принципом теоретических социальных и антропологических построений. Миф и сегодня продолжает выполнять все те же трансграничные функции в сознании, что и в архаическую эпоху своего бытия. В трактовке А. Ф. Лосева эта идея звучит как идея того, что миф есть «вещественно-жизненная реальность», «подлинная и максимально конкретная реальность», «трансцендентально-необходимая категория жизни и мысли» [3, С. 74], конечно, именно для мифологизированного сознания, но, собственно, иного сознания и нет в реальности.

В сознании современного человека миф потеснен другими формами осмысления мира, но мы все же утверждаем, что он не может быть элиминирован полностью и окончательно. Миф как история о мире и месте человека в нем, по сути, объяснительная модель мира, то есть умное и чудесное миропостроение, творческое созидательное мировоззрение, продолжает свое инобытие в идеологии как технологии политического процесса, практически неотделимого от социальной жизни. Идеология есть технологизация мифологии, процесс доведения ее в качестве конечного продукта до потребителя. Мифологема как сюжет мифа, сквозь который просвечивает архетип, фундаментальна, в то время как идеологема – окончательный, готовый к потреблению продукт политического процесса. Поэтому миф и мифологема онтологичны, а идеология и идеологема повседневны. Идеология выступает реальным механизмом претворения мифа в социальную жизнь. Например, миф о герое присутствует во всех идеологиях.

Идеология, как и мифология, объективно существует как регулятор человеческого поведения и регламентирует повседневную жизнь посредством образа желательного настоящего и будущего. Нет правильных или неправильных идеологий. Они конкурируют между собой, так как предлагают проект

обустройства общества. Эффективна та идеология, которая достигает общественного развития через согласие, а не насилие, пусть даже легитимное.

Однако куда важнее даже не то, как идеология расставляет акценты в повседневности – что читать, смотреть, потреблять в целом, не то, как она конструирует для нас окружающий мир, но как она «расставляет» людей в социальные ниши и распределяет роли. У современного государства есть разнообразный инструментарий воздействия на граждан, кроме грубой силы принуждения. Оно воздействует идеологически, включает человека в интерактивную игру, делая его со-участником процесса, со-автором идеологии и ее эстетизации. В этом сила и особенность идеологии. Здесь надо искать ответы на вопросы, которыми задается Филипп Лаку-Лабарт в своей статье «Поэтика и политика»: «Как получилось, что именно под названием того, что философия в момент своего установления определила как политику, впервые наметились сущность, значение и функции поэзии и искусства? И каким образом философия, желая законодательствовать в политике и для начала в воспитании социального тела, оказалась перед необходимостью прежде установить законы в области искусства? Чем было искусство в ее глазах или скорее, что в нем было такого, чтобы его тут же, почти спонтанно, сочленили с политикой?» [5, С. 9–10]. Данный вопрос отсылает к «Государству» Платона, где открываются новые горизонты для мифопоэтики, которая выходит за пределы литературы. Ее уже интересуют «проекции» мифа на политическую реальность как идеологический текст.

Мифопоэтика – это и художественная, креативно формируемая система, основанная на мотивированном обращении к поэтике мифа, его моделям, и в то же время она является методом их изучения. Идеология невозможна без композиции, сюжета, образа, без мифа и мифологем. Она опирается на них. Более того, ей необходима своя эстетика. Только в этом случае она может быть успешной, вдохновляющей, по крайней мере, на начальном этапе своего рождения и зрелого триумфа.

Архетипическое и символическое открывают для этого широкие перспективы, а миф как собирание частного и разрозненного в целое дает идеологии серьезное онтологическое обоснование. Мифопоэтика определяет особый тип мышления. Оно, это мифомышление, пользуется репозитарием архетипов, мифологем, всего того, что лежит в основании космо-психо-логоса народа [6]. В этом же репозитарии оно находит инструменты для мирообъяснения, миропонимания и миропостроения.

Технологический процесс идеологизации на уровне конкретного человека одухотворяется им самим самостоятельно и становится для него ценностно значимым. Таким образом, приобретенный идеологией креативный потенциал, обретает общезначимое качество и эстетизируется. Идеологии удается подняться на самый высокий уровень – смысла жизни, но и внедриться в самый низовой, повседневный уровень. Поэтому идеологию можно рассматривать как универсальный антропологический аспект жизни современного общества.

Конечно, идеологии всегда исторически обусловлены, ограничены интересами социальных групп. Они могут быть эффективными и не очень, и даже

разрушительными для общества. Но без них невозможна социальная солидарность и существование самого общества, а тем более государства.

Отмеченное важно потому, что повседневное обыденное сознание не углубляется в особенности соотношения мифологии и идеологии. Оно не критично. Можно даже утверждать, что для него справедлив принцип наименьшего действия. Мифология и идеология предоставляют ему такую возможность: без особых интеллектуальных усилий использовать самые простые формулы целостного описания сложного мира и получения его простой картинки. Успех их обеспечен так же тем, что человеку в повседневности все сложнее критически осмысливать быстротекущие социальные, политические, экономические процессы и свое место в них. Для обыденного сознания важна прагматика простых объяснительных схем в практике повседневности. Но тот, кто задумался над возможностями манипуляции социальными организмами, осознает перспективы подобных исследований [7; 8]. Результатами подобных исследований уже пользуются как социально-гуманитарными технологиями в осуществлении, например, «цветных революций» и не только. Но эти технологии могут быть направлены и на созидательную работу.

Отметим тезис К. Леви-Стросса о том, «что в мифологическом мышлении работает та же логика, что и в мышлении научном». Леви-Стросс поясняет свою мысль: «... человек всегда мыслил одинаково “хорошо”. Прогресс – если этот термин по-прежнему будет применим – произошел не в мышлении, а в том мире, в котором жило человечество, всегда наделенное мыслительными способностями, и в котором оно в процессе долгой истории сталкивалось со все новыми явлениями» [9, С. 207]. В современную эпоху процесс мифотворчества продолжается, его движущей силой является основанное на имажинативной способности «первобытное мышление», обходящее законы противоречия, исключенного третьего, оно свободно манипулирует причиной и следствием, возможностью и действительностью. Принцип сопричастности, эмоционального единства оказывается для него важнее истины.

Но почему мы нуждаемся в мифологии и идеологии, постоянно творим их. Ответ можно найти у Р. Барта: «Дело в том, что идеологизация и ее противоположность, вероятно, представляют собой все те же магические типы поведения, вызванные слепым страхом, замороженностью перед лицом разорванного социального мира» [10, С. 130]. В политике мифотворится настоящее и предлагается народу в виде идеологической утопии, то есть места которого нет, но к которому надо идти. Идеология предлагает человеку и обществу оптимальную (для власти) модель индивидуального поведения, руководство к действию для массового субъекта социальной активности. Если политики это делают в соответствии с ментальностью народа, его ожиданиями, то этим достигается внутренняя политическая стабильность общества, преодолевается страх социального хаоса. Леви-Стросс пишет: «Миф объясняет в равной мере как прошлое, так и настоящее, и будущее. Ничто не напоминает так мифологию, как политическая идеология. Быть может, в нашем современном обществе последняя просто заменила первую» [11, С. 186]. Идеология выступает реальным механизмом претворения мифа в социальную жизнь.

Конечно, можно включить «философскую рефлексию», чтобы показать и даже разоблачить манипуляционную природу идеологии. Это вполне достижимая цель. Например, Э. Ю. Соловьев предлагает обратиться к логической защите сознания средствами логико-лингвистического анализа, путем формирования культуры скептической верификации ожиданий и надежд, строгого различения программы и идеала (целевого ориентира) и дальнейшей разработки концепции открытой истории [12]. Но на наш взгляд, проблема деидеологизации таким образом неразрешима в принципе подобно тому, как проблемы философии не были решены, а только лучше уяснены и объяснены в философии лингвистического анализа. Проблема не в том, чтобы «разобраться» с идеологией, а в том, что она принципиально неэлиминируема из социально-политической реальности. Она часть этой реальности. Идеологию можно отбросить, но на ее место придет новая. Это то, что мы сейчас наблюдаем, например, на постсоветском пространстве. Пресловутая деидеологизация сама идеологична [13; 14; 15; 16]. Поэтому нам близка позиция П. С. Гуревича, который прекрасно отдает себе отчет в непреодолимости идеологии и с позиции методологии социальной философии выделяет ее функции в обществе [17; 18]. Главная из них, на наш взгляд, заключается в том, что, опираясь на мифологию, идеология, используя ее потенциал, цивилизует общество.

Приведем наглядный пример того как разворачивается в идеологеме мифологема мессианства, будь то «Третьего Рима» или «американской исключительности» – *Rex Americana*. Историческая природа их возникновения очевидно разная: духовная, в первом случае, и экономическая – во втором, но логика идеологизации абсолютно идентична. Наша задача не оценивать этот феномен, а исследовать логику идеологизации как объективную реальность, в которой действуют социальные закономерности развития цивилизаций. Лидерство, основанное на духовных началах, требует «подтягивания» экономической составляющей, а лидерство, опирающееся на экономический фундамент, ищет в свою очередь для себя духовные основания для оправдания своего морального права быть первым. В первом случае ключевой ценностью выступает «справедливость», во втором – «свобода». Здесь точка расхождения двух цивилизаций, здесь проходит граница разлома между мироустройствами. Они принципиально разные. Первая присоединяла земли путем колонизации, в то время как вторая – путем истребления коренного населения. В истории Российской империи тоже были войны по присоединению своих окраин, но они никогда не носили характер тотального истребления целых народов. Более того, некоторые народы присоединялись добровольно.

Идеология укореняется в обществе только тогда, когда растворяется в повседневности, врастает в нее. И не важно, происходит ли это осознано или бессознательно. Важно то, что сам процесс происходит таким образом, что человек «собирается» в личность. В качестве рефлексивной формы такого антропологического синтеза можно рассматривать автопоэзис как творческий процесс человеческого самопроизводства. Истоки такого объяснения мы можем найти у Ж. Делеза и Ф. Гваттари, которые считали, что переобоснование политики проходит через три эстетические измерения, которые определяются тремя

экологиями: окружения, общества и души. Подчеркнем, что в подобной трактовке понятие «автопоэзис» соотносится с понятием «мифопоэзис». Производство субъективности (поэзис), с одной стороны, мифологизирует повседневное сознание, открывая новые возможности толкования самой мифологии, а с другой – дает возможность эстетизировать идеологию. И то, и другое очеловечивает повседневную жизнь и привнесенную из политики идеологию. Отмеченные методологические прояснения эвристичны и раскрывают перспективы для новых исследований в направлении мифопоэтики культур и цивилизаций.

Список литературы

1. Мусихин Г. И. Очерки теории идеологий. – М.: изд-во ВШЭ, 2013. – 288 с.
2. Габриелян О. А. Мифопоэтика культуры: к возможной методологии исследования // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – Симферополь, 2018. – Том 4 (70). – № 3. – С. 158–166
3. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
4. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1987. – 224 с.
5. Лаку-Лабарт Ф. Поэтика и политика. // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 9–10.
6. Гачев Г. Ментальности народов мира. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 544 с.
7. Гройс Б. Политика поэтики. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. – 400 с.
8. Габриелян О. А. Мифотворчество в социокультурном контексте политики. // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Политические науки. – 2001. – Том 14 (53). – № 1. – С. 13–22.
9. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. – 536 с.
10. Барт Р. Из книги «Мифологии». // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
11. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. – 536 с.
12. Соловьев Э. Ю. Философия как критика идеологий. Часть I // Философский журнал. – 2016. – Т. 9. – № 4. – С. 5–18
13. Кара-Мурза А. А. Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // Философский журнал. – 2012. – № 2 (9). – С. 27–44.
14. Блюхер Ф. Н., Гурко С. Л. Идеологические формы политической борьбы // Философский журнал. – 2012. – № 2 (9). С. 87–103.
15. Антипов Д. А. Осмысление феномена идеологии в современном философском дискурсе // Философия и культура. – 2016. – № 10. – С. 1411–1418.
16. Рубцов А. В., Любимова Т. Б., Сыроедова А. А. Практическая идеология. К аналитике идеологических процессов в политической и социокультурной реальности. – М.: ИФ РАН, 2016. – 247 с.
17. Гуревич П. С. Тяжких дум избыток (Критические комментарии к докладу проф. Соловьёва Э. Ю. «Философия как критика идеологий» на первом заседании «Общественного семинара» Института философии РАН, 7 июня 2016 г.) // Философия и культура. – 2016. – № 7. – С. 929–934.
18. Гуревич П. С. Устранима ли идеология? // Философия и культура. – 2016. – № 9. – С. 1235–1238.

Gabrielyan A. O. Mythopoeitics of Ideology // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 1. – P. 74–80.

Ideology as a system of values in one form or another is present in any society. Politicians, based on their vision of social prospects, through social and humanitarian technologies, introduce it into the public consciousness. The effectiveness of this process is due to how well ideology reflects the culture of a particular

society, its mythology. Ideology is the technologization of mythology. Ideology is a real mechanism for the implementation of the myth in social life. Ideology, like mythology, objectively exists as a regulator of human behavior and regulates everyday life as an image of the desirable present and future.

Keywords: myth, mythology, mythopoetics, ideology, socio-humanitarian technologies.

References

1. Musihin G. I. Ocherki teorii ideologiy [Essays on the Theory of Ideologies]. Moscow, HSE Publ., 2013, 288 p.
2. Gabrieljan O. A. Mifopojetika kul'tury: k vozmozhnoj metodologii issledovanija [Mythopoetics of Culture: to a Possible Research Methodology] *Uchenye zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta im. V.V. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya, Politologiya, Kul'turologiya* [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology], 2018, Vol. 4 (70), № 3, p. 158–166
3. Losev A. F. Dialektika mifa [Dialectics of Myth]. *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura*. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 525 p.
4. Golosovker Ya. E. Logika mifa [The Logic of Myth]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 224 p.
5. Laku-Labart F. Poetika i politika [Poetics and Politics]. *Poetika i politika. Al'manah Rossiysko-frantsuzskogo zentra soziologii i filosofii Instituta soziologii RAN. SPb, Aleteyya Publ.*, 1999, P. 9–10.
6. Gachev G. Mental'nosti narodov mira [Mentality of the Peoples of the World]. Moscow, Ekemo Publ., 2003, 544 p.
7. Groys B. Politika poetiki [The Politics of Poetics]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2012, 400 p.
8. Gabrielyan O. A. Mifotvorchestvo v sotsiokul'turnom kontekste politiki [Myth-making in the Sociocultural Context of Politics]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Politicheskie nauki* [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. Political Science], 2001, Vol. 14 (53), № 1, p. 13–22.
9. Levi-Stros K. Srtukturnaya antropologiya [Structural Anthropology]. Moscow, Glavnaya Redaktsiya Vostochnoy Literatury, 1985, 207 p.
10. Bart R. Iz knigi «Mifologii» [From the Book "Mythology"]. Bart R. Izbrannye raboty. *Semiotika. Poetika*. Moscow, Progress, 1989, 130 p.
11. Levi-Stros K. Srtukturnaya antropologiya [Structural Anthropology] Moscow, Glavnaya Redaktsiya Vostochnoy Literatury, 1985, 186 p.
12. Solov'ev E. Yu. Filosofiya kak kritika ideologiy. Chast' I [Philosophy as a Critique of Ideologies Part I]. *Filosofskiy zhurnal* [A Journal of Philosophy], 2016, Vol. 9, no. 4, p. 5–18.
13. Kara-Murza A. A. Kak idei prevrashchayutsya v ideologii: rossiyskiy kontekst [How Ideas Turn into Ideologies: the Russian Context]. *Filosofskiy zhurnal* [A Journal of Philosophy], 2012, no 2 (9), p. 27–44.
14. Blyuher G. N., Gurko S. L. Ideologicheskie formy politicheskoy bor'by [Ideological Forms of Political Struggle]. *Filosofskiy zhurnal* [A Journal of Philosophy], 2012, no. 2 (9), p. 87–103
15. Antipov D. A. Osmyslenie fenomena ideologii v sovremennom filosofskom diskurse [Understanding the Phenomenon of Ideology in Modern Philosophical Discourse]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2016, no. 10, p. 1411–1418.
16. Rubzov A. V., Lyubimova T. B., Syrodeeva A. A. Prakticheskaya ideologiya. K analitike ideologicheskikh prozessov v politicheskoy i sotsiokul'turnoy real'nosti [Practical Ideology. On the Analysis of Ideological Processes in Political and Socio-cultural Reality]. Moscow, IP RAS, 2016, 247 p.
17. Gurevich P. S. Tyazhkikh dum izbytok (Kriticheskie kommentarii k dokladu prof. Solov'eva E. Yu. «Filosofia kak kritika ideologiy» na pervom zasedanii «Obshcheinstitutskogo seminar» Instituta filosofii RAN, 7 iyunya 2016 g.) [Heavy Thoughts Excess (Critical Comments to the Report of Prof. Solovyov E. Yu. "Philosophy as Criticism of Ideologies" at the First Meeting of the "General Institute Seminar" Institute of Philosophy RAS, June 7, 2016)]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2016, no. 7. p. 929–934.
18. Gurevich P. S. Ustranima li ideologiya? [He Same: Disposable Whether Ideology?]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2016, no. 9, p. 1235–1238.